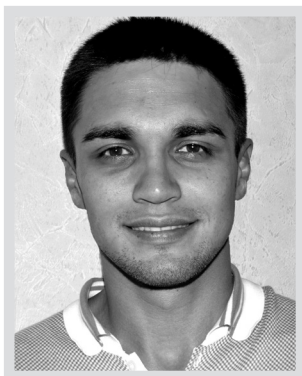

УДК 347.251

К вопросу о современной реформе правового регулирования владения и владельческой защиты**Сайфутдинов И.К.**

Аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье исследуются различные подходы к категории владения и владельческой защиты прав субъектов гражданских правоотношений в период реформирования гражданского законодательства в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства РФ. Показано соотношение владельческой защиты с традиционными вещно-правовыми и обязательно-правовыми способами защиты.

Ключевые слова: владение, владельческая защита, владелец, вещные права, иск, концепция, проект, самоуправные действия, самозащита.

Вопросы владения и владельческой защиты наряду с другими актуальными вопросами гражданского права стали объектами проводимых в настоящее время реформ гражданского законодательства. В основе проводимых реформ находится Концепция развития гражданского законодательства, одобренная Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07 октября 2009 г. [1]. Данная Концепция обозначала некоторые приоритеты развития, которые должны оказать существенное воздействие на становление института владения и владельческой защиты в российском гражданском праве. Среди таких приоритетов особое место занимает необходимость учета исторического развития законодательства и истории российского права, а также фундаментальных подходов классического римского права и опыта иностранного правового регулирования.

Действующее гражданское законодательство предусматривает традиционное деление имущественных прав на вещные и обязательственные. Это учитывает и сам законодатель в структуре Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), примером может служить само расположение нормативного материала в разделах II («Право собственности и другие вещные права») и III («Общая часть обязательственного права») [2]. Следует отметить в этой связи, что российский законодатель придерживается мнения

о необходимости переименования данного раздела в «Вещное право», что должно отразить сущность правового материала, расположенного в данном разделе¹. К числу вещных прав относится право собственности (ст. 209 ГК РФ), что составляет основу вещного права. Ограниченные вещные права производны от права собственности, и их перечень закреплен в ст. 216 ГК РФ: право постоянного (бессрочного) пользования, право пожизненного наследуемого владения, сервитуты и др. Обязательства представлены прежде всего в виде сделок, наиболее распространенными среди которых можно назвать договоры аренды, залога, ссуды (безвозмездного пользования).

Объединяющим элементом вышеуказанных прав (вещных и обязательственных) является правомочие владения. Современное гражданское законодательство, закрепляя и раскрывая содержание имущественных прав, не определяет содержание самих структурных элементов этих прав (владения, пользования и распоряжения). Например, если обратиться к ст. 209 ГК РФ («Содержание права собственности»), то в ней закреплена только классическая «триада» полномочий, но содержание самих полномочий ни в указанной статье, ни в других нормах гражданского законодательства не раскрывается. Действующее законодательство не содержит норм о владении и

¹ См. раздел IV («Законодательство о вещных правах») [1].

владельческой защите, что следует признать одним из серьезных недостатков ГК РФ. Как справедливо отметили разработчики Концепции развития гражданского законодательства 2009 г., «действующее законодательство не содержит норм о владении и владельческой защите, что следует признать одним из серьезных недостатков ГК», причем «владельческая защита является институтом, известным многим правовым системам». Как известно, владельческая защита существовала и в российском дореволюционном праве, в том числе она была предусмотрена и проектом Гражданского уложения [3].

Данный пробел восполняет наука гражданского права, которая определяет содержание указанных правомочий. Соответствующая теория правомочий собственника была достаточно подробно разработана еще в советский период регулирования гражданских правоотношений, при этом эта теория не изменилась в связи со вступлением в силу части I Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 г. Концепция развития гражданского законодательства 2009 г. не отменила принципиальных подходов данной теории и в целях нормативного правового реформирования.

Нельзя вместе с разработчиками Концепции развития гражданского законодательства не признать, что основные подходы к категории владения были заложены еще в римском праве. Дореволюционное российское законодательство содержало нормы о владении в Своде законов Российской империи (том X, часть первая) [4]. В проекте Гражданского уложения Российской империи уделялось внимание владению и защите владения (раздел III, главы I-II). В советский период вопросы владения и владельческой защиты в гражданском законодательстве не были представлены. В современном российском праве, как справедливо отмечает Е.А. Суханов, владение представляет собой либо «фактическое (не юридическое) состояние, либо элемент (правомочие) других (обязательственных или вещных) прав» [5].

Практика применения Гражданского кодекса РФ 1994 г. выявила необходимость новых подходов к правовому регулированию владения и владельческой защиты в гражданском законодательстве. Одним из примеров может послужить практика применения норм о приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ). Так, п. 2 ст. 234 ГК РФ формально можно рассматривать как проявление владельческой защиты: до приобретения на имущество права собственности в силу приобретательной давности лицо, владеющее имуществом как своим собственным, имеет право на защиту своего владения против третьих лиц, не являющихся собственниками имущества, а также не имеющих прав на владение им в силу иного предусмотренного законом или договором основания. Однако эта защита неприменима по отношению к собственнику или иному законному владельцу. Следовательно, собственник может силой вернуть себе

утраченную вещь и никакой частноправовой защиты добросовестный приобретатель не получает [6]. Более того, при возникновении каких-либо посягательств добросовестный приобретатель, не являющийся собственником, должен доказывать добросовестность, открытость и другие факты, указанные в п. 1 ст. 234 ГК РФ, что, по сути, сводится к спору о праве и не подпадает под владельческую защиту.

В современной науке гражданского права данной проблематике уделялось недостаточное внимание до последнего времени. Среди немногочисленных работ, посвященных владению и владельческой защите можно выделить одно комплексное монографическое исследование А.В. Коновалова, появившееся в начале нынешнего столетия [7]. В дальнейшем положения о владении и владельческой защите нашли свое отражение в уже упомянутой Концепции развития гражданского законодательства 2009 г.² и в некоторых диссертационных исследованиях [8]. В целях реализации указанной Концепции Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства был разработан проект части первой ГК РФ [9].

Основное назначение данной Концепции и проекта части первой ГК РФ в рассматриваемом аспекте, как нам представляется, стало: а) обоснование самостоятельности категории владения; б) введение новых ограниченных вещных прав, основанных на владении; в) закрепление института владельческой защиты.

Для реализации данной цели разработчики указанной Концепции и проекта части первой ГК РФ традиционно рассматривают владение в традиционном ключе как одно из правомочий собственника и лица, надлежащим образом управомоченного собственником. Предусматривают также легальное определение владения – «фактическое господство лица над объектом владения» (п. 1 ст. 209 проекта части первой ГК РФ). Значимость существования легального определения для последующей правоприменительной практики неоспорима. Владение должно стать основой новой системы вещных прав: права застройки (суперфиций), права постоянного владения и пользования (эмфитевзис), права личного пользования (узуфрукт).

Появление новых разновидностей вещных прав, в основе которых лежит правомочие владение, требует предоставления их обладателям особой защиты – владельческой защиты. Владелец вещи, например, обладатель ограниченного вещного права может воспользоваться владельческой защитой даже против собственника.

Осуществление владельческой защиты предполагается в трех традиционных формах защиты: судебной, административной и в рамках самозащиты (ст. 215 проекта части первой ГК РФ).

² См.: подраздел I «Владение» раздела IV [1].

В рамках судебного порядка владельческой защиты владелец вправе предъявить исковое требование к лицу, нарушающему его владение, либо потребовать признания ненормативного акта недействительным. Предметом иска будет требование лица о возврате выбывшего из его фактического владения имущества в результате самоуправных действий другого лица (п. 1 ст. 216 проекта части первой ГК РФ). К сожалению, как отмечают разработчики Концепции развития законодательства о вещном праве, понятие самоуправления в действующем законодательстве не проработано (п. 2.8 подраздела «Владение») [10]. В частности, возникают вопросы: Какие действия и совершенные в какой форме следует считать самоуправными? Требуется ли установление факта совершения указанных действий компетентными органами?

При рассмотрении правового спора в этой связи правоприменителю необходимо только восстановить фактическое нарушенное состояние, т.е. принять решение о возврате имущества фактическому владельцу. Основанием для этого является установление факта владения истцом имуществом в течение года до нарушения, послужившего основанием для предъявления требования о защите владения (п. 1 ст. 217 проекта части первой ГК РФ). При этом спор о праве не рассматривается, а соответствующему лицу (истцу) нет необходимости доказывать свое имущественное право.

Возрождение владельческого или так называемого «публицианова иска», как его именуют в науке гражданского права, приведет к изменению традиционных взглядов и изменению правового регулирования вещно-правовых исков [11]. Например, согласно Концепции развития законодательства о вещном праве, при закреплении владельческой защиты в законодательстве отпадает необходимость у законных владельцев в виндикационном и негаторном иске (п. 2.10. подраздела «Владение» Концепции развития законодательства о вещном праве). Вещно-правовые иски согласно проекту ГК РФ вправе предъявлять исключительно обладатели вещных прав, а другие законные владельцы (например, арендаторы, ссудополучатели, залогодержатели) будут ограничены способами владельческой защиты. В соответствии же действующими нормами ГК РФ вещно-правовые иски вправе предъявлять не только обладатели вещных прав, но и лица, владеющие имуществом на основании договора (ст. 305 ГК РФ). Результатом такого законодательного подхода, по мнению Е.А. Суханова, стало «смешение гражданско-правовых способов защиты различных имущественных прав», что привело к утрате определенных особенностей защиты различных гражданских прав, позволявших разграничивать вещные и обязательственные права [5, с. 15]. Необходимо отметить, что владельческая защита предстанет в российском законодательстве не в полном классическом понимании, а в усечен-

ном варианте, но достаточным, по мнению авторов вышеуказанных Концепций и проекта ГК РФ, для удовлетворения потребностей усложнившегося в условиях рыночной экономики гражданского оборота. Например, классическая римская владельческая защита имеет две разновидности – посессорную и петиторную. В рамках посессорной владельческой защиты охраняется фактическая принадлежность вещи определенному лицу, без относительности наличия у владельца прав на эту вещь [5, с. 14]. Напротив, петиторная защита предполагает доказывание законности владения. Таким образом, в российском варианте владельческая защита представлена в виде только одного вида – посессорной защиты.

Административная форма владельческой защиты вызывает много вопросов, ответов на которые реформа гражданского законодательства еще не содержит. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 215 ГК РФ органы исполнительной власти вправе осуществлять защиту владения в случаях, предусмотренных законом. При этом действия органов исполнительной власти должны быть направлены на восстановление владения, нарушенного в результате самоуправных действий. Возникают вопросы: в каких именно случаях органы государственной власти принимают меры по защите?; в каком качестве они уполномочены участвовать в посессорном процессе: как третье лицо в судебном разбирательстве? или вправе самостоятельно в рамках административного производства принимать решения, обладающие юридической силой? Относительно полномочий государственных органов в Концепции развития законодательства о вещном праве делается оговорка о том, что действия компетентных органов (судебных приставов, органов следствия и дознания) по изъятию, хранению, которые приводят к обладанию имуществом, не являются владением (законным или незаконным), а осуществляются в соответствии с законодательством, регулирующим их деятельность. Таким образом, эти отношения не подпадают под владельческую защиту (п. 2.5 подраздела «Владение» Концепции развития законодательства о вещном праве).

Самозащита владения заключается прежде всего в совершении охранительных действий самим владельцем, чье фактическое господство над вещью нарушено, либо создается угроза лишения владения. Эти действия могут выражаться как в предупредительных мерах (например, возведение забора по периметру земельного участка), так и непосредственных (физических) действиях, направленных на предотвращение самоуправства.

Важным является предоставление владельцам (законным и незаконным) возможности самостоятельно осуществлять защиту своего владения, хотя никаких законных прав у лица может и не быть. В этом заключается один из элементов новизны вла-

дельческой защиты. Но при этом владелец не должен превысить пределы необходимой обороны и крайней необходимости, так как в данном случае речь будет идти не только об определении размера вреда, но в некоторых случаях и об уголовной квалификации совершенных действий, в соответствии со сложившейся судебной практикой. Так, например, при разрешении споров, возникших в связи с защитой принадлежащих гражданам или юридическим лицам гражданских прав путем самозащиты (ст.ст. 12 и 14 ГК РФ), следует учитывать, что самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения, и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный (п. 9 постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 01.06.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [12]).

Как мы видим, в настоящее время российское законодательство и практика правоприменения находятся на этапе своего реформирования. Наука гражданского права должна своевременно отреагировать на эту реформу, корректируя попытки законодателя в полной мере реализовать потенциал категорий владения и владельческой защиты. Важно при этом следовать отмеченным в самом начале настоящей статьи приоритетам (необходимость учета исторического развития законодательства и истории российского права, а также фундаментальных подходов классического римского права и опыта иностранного правового регулирования), закрепленным в Концепции развития гражданского законодательства 2009 г. и служащим ориентирам дальнейшего правового развития.

Литература:

1. Концепция развития гражданского законодательства (одобренная Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.
2. Часть I Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданское уложение: Проект Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т.1. – СПб., 1910. – 895 с.
4. Кодификация российского гражданского права / Отв. ред. М.Ф. Казанцев. – Екатеринбург: Изд-во института частного права, 2003. – 928 с.
5. Гражданское право. Том II / Под ред. д.ю.н., проф. Е.А. Суханова. – М., 2008. – 496 с.
6. Скловский К.И. Некоторые проблемы владения в судебной практике // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2002. – № 4. – С. 95-107.
7. Коновалов А.В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – 299 с.
8. Иванов С.А. Категория владения в гражданском праве: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 26 с.
9. http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=100.
10. http://www.privlaw.ru/vs_info4.html.
11. Гражданское право: учеб. Ч.1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Изд-во, 1997. – 600 с.
12. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 1996. – № 9.

Some Aspects of Modern Reformation of Legal Regulation of Possession and Possessory Protection

I. Saifutdinov

The Kazan (Volga Region) Federal University

The paper deals with different approaches to the category of possession and possessory protection of the rights of the subjects of legal matters in the period of reformation of civil legislation according to the Concept of civil legislation development of the Russian Federation. The paper demonstrates the correlation of possessory protection and traditional proprietary and liability remedies.

Key words: possession, possessory protection, proprietor, proprietary rights, suit, concept, project, arbitrary act, self-defence.

